

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR
УДК 008
ББК 71.0
DOI 10.34685/НН.2025.48.1.008

МОДУСЫ ПАМЯТИ В ДНЕВНИКАХ ПРОТОПРЕСВИТЕРА АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

Баранова Ульяна Сергеевна

магистр культурологии, соискатель кафедры
истории и теории культуры РГГУ,
ассистент кафедры истории и гуманитарных наук
Государственного гуманитарно-технологического университета,
ул. Зелёная, д.22, Орехово-Зуево, Россия, 142650,
julianne.br@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются способы репрезентации памяти в текстах «Дневников» 1973–1983 гг. богослова и проповедника протопресвитера Александра Шмемана (1921–1983) — значимой фигуры в истории РПЦЗ. Анализ осуществляется в двух плоскостях: с одной стороны, через свои личные воспоминания автор дневника конструирует образ прошлого и свою идентичность, с другой — рефлексировать о самой памяти как феномене. Опубликованные индивидуальные воспоминания о. Александра встраиваются в более широкий круг социальной памяти общества, переходя из личного дискурса в публичный. Кроме того, затрагивается тема сосуществования в его записях двух видов памяти: профанной и сакральной, обращённых к мирской и духовной сторонам жизни.

Ключевые слова

Memory studies, дневник, репрезентация, идентичность, сакральная память, профанная память, приватный дискурс, публичный дискурс, модусы памяти.

В дискурсивном пространстве memory studies дневник как источник занимает особое место. Изучение проблем того, как и в каких формах память представлена в дневниковых текстах, как она в них работает, составляет большое проблемное поле в этой междисциплинарной среде.

В последние годы исследованиями репрезентации памяти в дневниках занимались многие отечественные учёные. Например, Д. В. Минец в своих статьях рассматривала способы запечатления интимных воспоминаний в дневниках и гендерный аспект этой практи-

ки¹. М. Ю. Михеев исследовал механизм преобразования мысли дневнициста и её путь от внутренней речи к рукописному или печатному тексту.² А. А. Сямина и Г. А. Филиппов занимались темой соотношения индивидуальной памяти и конструирования автором дневника на её основе своей идентичности³. Р. С. Черепанова в своих работах обращала внимание на различие приватного и публичного уровней в дневниковой прозе, а также связанных с ними дискурсивных полей⁴.

Эта статья посвящена тому, в каких формах память представлена в «Дневниках»⁵ протопрезвитера Александра Шмемана (1921–1983) — богослова, проповедника, декана и профессора Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, значимой фигуры Русской православной церкви за границей. Восемь тетрадей на русском языке, в которых он вёл записи в последнее десятилетие своей жизни, обнаружили в его кабинете сразу после смерти. К изданию они были подготовлены лишь в 2004 году коллективом Вестника русского христианского движения (в первую очередь, Н. Струве), при участии вдовы и сына о. Александра. По личным воспоминаниям в дневнике возможно реконструировать всю его жизнь: от детства в версальском кадетском корпусе и лицее в Париже, учёбы в Свято-Сергиевском богословском институте до переезда в Америку, церковной и преподавательской деятельности. Дневники отца Александра, как источник, предоставляют исследователю широкий пласт тем и смыслов. Они интересны с точки зрения литературного процесса и политической повестки, но прежде всего в парадигме рели-

гиозного осмысления жизни. Это происходит, поскольку круг общения отца Александра был чрезвычайно обширен, в дневнике упоминаются многие значимые для истории русского зарубежья личности: учёные, богословы и священнослужители, писатели, друзья и наставники (например, такие как А. И. Солженицын) — представители всех трёх волн эмиграций.

Литературное наследие А. Шмемана, помимо дневников, представлено широким корпусом богословских, религиозно-философских и публицистических текстов. К их изучению в 2000-х годах исследователи обращались с позиций различных проблемных полей и через призму разных наук социогуманитарного спектра. Среди них важное место занимают работы Ю. В. Балакшиной⁶, которая рассматривала дневники А. Шмемана в контексте его мыслей об образе и смысле культуры, а также с точки зрения поэтики текстов. В статье Т. Л. Воронина исследуются взгляды о. Александра на искусство и поэзию и особенности употребления им поэтических цитат⁷.

Однако, несмотря на то, что творчество А. Шмемана уже стало предметом изучения, исследование, касающееся его понимания памяти, отсутствует. Цель данной статьи — заполнить эту лакуну и рассмотреть, каким образом сегменты памяти представлены в его дневниках. Первоначально можно выделить два главных модуса памяти (то есть способа существования или аспекта): воспроизведения в письменном виде личных воспоминаний и рефлексии о. Александра о памяти как феномене. В этой связи, я ставлю несколько исследовательских вопросов:

- как личные воспоминания автора интегрируются в широкий пласт социальной памяти;
- как с помощью личных воспоминаний происходит конструирование идентичности автора;
- где проходит различие между сакральной и профанной формами памяти.

Первоначально обратимся к вопросу, каково соотношение индивидуальной и социальной памяти в дневниках А. Шмемана. Сам автор так вы-

1 Минец Д.В. Дневник как «интимный модус запечатленной памяти» // Память как механизм культуры в русском литературном процессе. 2014 г. С. 85–91.
 2 Михеев М.Ю. Мысль на пути между дневником и текстом: особенности памяти дневнициста // Человек. 2004. № 6. С. 150–158
 3 Сямина А.А., Филиппов Г.А. Проблема памяти и идентичности в автобиографической прозе // Память как история и воображение: Коллективная монография. М.: Эдитус, 2023. С. 202–208
 4 Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного // Вестник ЮУрГУ. 2018. № 2. С.52
 5 Шмеман А.Д. Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2021. 732 с.

6 Балакшина Ю.В. «Пишу только, чтобы прийти в себя от суеты...»: поэтика «Дневников» протоиерея Александра Шмемана // Вестник Череповецкого Государственного Университета. 2011. №4. С. 47–52
 7 Воронин Т.Л. Культура и поэзия в «Дневниках» о. Александра Шмемана // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2008. № 2. С. 86–92

сказывался об их назначении: «Touch base — вот в моей суетной жизни назначение этой тетради. Не столько желание всё записать, а своего рода посещение самого себя, «визит», хотя бы и самый короткий»⁸. Судя по всему, изначально дневники не предназначались к публикации и не были задуманы как общественное достояние. Это видно из того, что после принятия решения о публикации, были изъяты некоторые повторы и подробности, касающиеся ещё живых людей.

Повествование о событиях или осмысление значимой проблемы осуществляется в рамках паттернов, присущих жанру дневниковой прозы. С одной стороны, материал предстаёт как модус достаточно интимной индивидуальной памяти⁹. Но с другой, непрерывно взаимодействуя с окружающими, будучи вписанным в исторические события вокруг, автор дневника встраивает свои воспоминания в более широкий круг «оперативной» или социальной памяти общества¹⁰. В этой связи проблема соотношения публичного и приватного дискурсов встаёт особенно остро, если поставить вопрос о посмертной публикации рукописей.

Воспоминания внутри дневника всегда многомерны. В первую очередь, это связано с их индивидуальной окраской, принципиальной перспективностью и лабильностью¹¹. Во вторую же, с тем, что они встроены в широкий социальный контекст отношений и коммуникации — воспоминания автора дневника всегда расширяются, дополняются и переоткрываются людьми из его окружения¹².

Воспоминания в дневнике также характеризуются особым способом репрезентации, связанной с построением идентичности личности внутри автобиографической прозы. Они не тождественны сконструированному «по случаю»

воспоминаниям автора мемуаров, выстроенным как довольно логичное повествование. При этом изначально дневниковое повествование можно считать «пред-текстом» — внутренней речью, в противовес взвешенной произнесённой речи других жанров прозы — в том числе и мемуаров¹³. В другой записи Шмеман снова подтверждает назначение дневника: «И вот, по-видимому, задача этой тетради, инстинктивная в ней нужда: сохранить в себе всё, не дать себе сузиться до чего-то одного: «декан Св. Владимирской Духовной Академии», «литургист» и т.д.»¹⁴. Следовательно, он воспринимает свои записи, как расширение своей личности, сохранение в ней этого расширения через «вбирание» воспоминаний, благодаря которому он, как человек, не будет сводиться лишь к социальным ролям.

Память, как проработка индивидуального опыта помогает человеку конструировать свою идентичность. Эта необходимость чёткой самоидентификации в смысле национальной принадлежности, стояла перед А. Шмеманом особенно остро, так как он был представителем белой, «церковной» эмиграции. В этой связи показательна запись, в которой автор вспоминает различные лики родины и других стран в своей судьбе: «Потом — сквозь эту военную Россию — постепенное прорастание «других» Россией: православно-церковно-бытовой, литературной, идейной, революционной и т.д. Россия — слава, Россия — трагедия, Россия — удача, Россия — неудача... Потом французский лицей, открытие Франции, Парижа, французской культуры». В той же записи о. Александр размышляет не только о личном восприятии, но и о своём видении того, как память о России конструирует идентичность знакомых ему эмигрантов: «Постепенное внутреннее открытие, что большинство русских живёт какой-нибудь одной из Россией, только её знает, любит и потому абсолютизирует. Отсутствие широты и щедрости как отличительное свойство эмиграции. Обида, драма, страх, ущемленная память. Вообще — «неинтегрированность», фрагментарность русской памяти

8 Шмеман А.Д. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2021. С.74

9 Минец Д.В. Дневник как «интимный модус запечатленной памяти» // Память как механизм культуры в русском литературном процессе. С. 87

10 Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.21

11 Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. С.125

12 Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного // Вестник ЮУрГУ. 2018. № 2. С.52

13 Михеев М.Ю. Мысль на пути между дневником и текстом: особенности памяти дневничества // Человек. 2004. № 6. С. 150

14 Шмеман А.Д. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2021. С.136

и потому России в русском сознании»¹⁵. А. Шмеман ставит вопрос, что такое родина, конкретно Россия — реальная и утерянная, сохранившаяся лишь в воспоминаниях. Часто также и критикует других эмигрантов за их неспособность вместить в себя целое — по его мнению, они дробят представления о покинутой родине. Эти его взгляды указывают на понимание памяти как некоего ущербного механизма.

К каждой из умозрительных «Россий» Шмеман относит определённый тип человека, который несколько идеализирует: «Я до сих пор убеждён, например, что тип русского офицера (первый тип, встреченный в жизни: Н.А. Римский-Корсаков, В.З. Маевский, А.В. Попов, даже папа) — очень высокий, нравственно и человечески, тип, им можно любоваться (Толстой любовался им), как можно любоваться и другими типами: русским священником, интеллигентом и т.д.»¹⁶. Таким образом, несмотря на попытку рефлексии «со стороны», к суждениям автора дневника неизбежно примешивается интимное отношение, связанное с ностальгией и долей романтизации прошлого.

Благодаря специфическому роду деятельности отца Александра, связанному с духовным саном и церковным служением, мы имеем дело с ещё двумя модусами памяти в его дневниках: сакральной и профанной. Второй вид встречается наиболее часто, когда речь, в принципе, заходит о припоминании событий и чувств, а также когда Шмеман раздумывает над самой природой памяти как феномена. Профанное, в контексте дневников А. Шмемана — мирское, внешнее, иногда бытовое.

В другом месте читаем: «Вчера праздновали — по новому стилю — святителя Николая. А по-старому — Александр Невский, мои именины. Вспомнил, как в этот день, должно быть в 1933 или 1934 году, я проснулся в дортуаре нашего «первого взвода» и нашёл на табуретке около кровати подарки... <...> Почему некоторые дни, со всеми их подробностями — погодой, количеством света и т.д., так врезаются в память, так остаются в ней?»¹⁷. В данном случае рефлекс-

сия касается избирательности индивидуальной памяти, её эпизодичности.

Эта же тема встречается и в ряде других случаев, например: «Я многое могу, сделав усилие памяти, вспомнить; могу восстановить последовательные периоды и т.д. Но интересно было бы знать, почему некоторые вещи я не вспоминаю, а помню, как если бы они сами жили во мне. При этом важно то, что обычно это как раз не «замечательные» события и даже вообще не события, а именно какие-то мгновения, впечатления. Они стали как бы самой тканью сознания, постоянной частью моего «я»¹⁸. Здесь автором высказывается мысль о некоторой автономности памяти, её существовании вне зависимости от воли индивида, его усилий и предпочтений — информация о том, что может быть оценено как малозначительное.

В одной из записей автором приводится стихотворение, которое подтверждает, что тема памяти как феномена является предметом интереса Шмемана: «Утром проснулся со звенящим в голове стихом (Одоевцевой?): Я помню, помню, я из тех, / В ком память змеем шевелится, / Кому простится смертный грех / И лишь забвенье не простится...»¹⁹. В действительности, автор приведённого стихотворения — Н.Н. Берберова. В осмыслении её четверостишия Шмеманом память представляется как некоторый вид добродетели, то, что должно существовать и отсутствие чего — непростительное преступление, буквально грех. Но пока ещё не в прямом, религиозном смысле, а лишь в переносном.

И далее: «Когда он перестанет устраивать этот молебен, что-то кончится. Что именно? Не Семёновский полк, конечно, которого нет уже пятьдесят лет. Некая платоновская идея. Память о памяти, воспоминание о воспоминании <...> Прочитал написанное и подумал: а Пруст-таки прав. Никогда, наверное, не был Семёновский полк так жив, как в эти парижские полковые праздники, когда память очищала его от всему мешающей и всё извращающей «реальности». В этом, конечно, сущность праздника. «Его же память ныне совершаем. В приведённой цитате Шмеман рассматривает память в несколько ином

15 Там же с. 24

16 Шмеман А.Д. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2021. С. 136

17 Там же с.51

18 Шмеман А.Д. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2021. с.24

19 Там же с.132

ракурсе: как инструмент очищения, создающий некоторую идеальную реальность, имеющую, возможно, мало общего с бывшим на самом деле, но дорогую сердцу человека. А также: «Вчера прилетел в Нью-Йорк в три часа дня. <...> Сейчас иду в семинарию — ещё один «антракт» кончился, ещё раз мой «Париж» претворяется в память»²⁰. Автор ведёт речь о процессе перехода действительного и непосредственно проживаемого в раздел «бывшего» — в обитель памяти.

Что касается сакральной памяти, то она занимает в дневниках А. Шмемана практически центральное место. Это духовный аспект, внутреннее ощущение, связанное с переживанием божественного. Рассуждения о ней приводятся в различных контекстах, к ней неизменно обращены мысли автора. Проблема памяти занимала церковных писателей и богословов. Её могли рассматривать так: «Память есть удержание в себе впечатлений ума, отложение памяти — забвение; а отложение забвения есть опять какая-то память, которую называю воспоминанием»²¹. Вообще же Отцы Церкви различали два действия памяти: памятование и воспоминание. Св. Иоанн Дамаскин так раскрывал суть памятования: «Способность же помнить служит и причиной, и хранилищем памяти и припоминания. Ибо память есть представление, оставленное как каким-либо чувством, так и каким-либо мышлением, обнаруживающимся через действие; или сохранение вещи, воспринятой и чувством, и мышлением»²². В целом, святые отцы придавали памяти инструментальный характер, рассматривали её как инструмент ума. Семантика памяти занимает значительное место в богослужениях: от свершения памяти святых до пения «вечной памяти» при поминании усопших. К тому же «память смертная» как сосредоточенность ума на размышлении о конечности жизни, составляет важную часть понимания проблемы смертности в христианстве.

Непосредственно под сакральной памятью в богословии, как правило, подразумевается па-

мять Божия — непрестанное молитвенное памятование при трудах и занятиях о Божественном присутствии: «Корень молитвы память Божия с тёплой верою и чувством к Богу»²³. С этим можно соотнести запись А. Шмемана: «Что такое молитва? Это память о Боге, это ощущение Его присутствия. Это радость от этого присутствия. Всегда, всюду, во всём»²⁴. То есть о. Александр мыслит молитву как память Божию, вполне в духе устоявшейся православной традиции.

Потом о. Александр пишет: «Анамнезис»: вс2 христианство — это благодатная память, реально побеждающая раздробленность времени, опыт вечности сейчас и здесь. Поэтому все религии, всякая духовность, направленные на уничтожение времени, суть лжерелигии и лжедуховность»²⁵. Автор уподобляет христианство, в целом, сакральной памяти и размышляет о важности времени, как составной части процессов воспоминания и забвения. Он не отрицает значимость темпоральности для христианина, но, напротив, отводит ей важную роль. Религия как «благодатная память», по мысли Шмемана, становится средством преодоления временной раздробленности и опытом проживания вечности. Далее он вторит своей мысли, но теперь упоминает о религии институционально: «Церковь — это память и поминовение, но в свете уже — воскресения»²⁶. Здесь под воскресением снова подразумевается опыт вечности — то есть будущей, ожидаемой христианами, жизни.

Продолжая свою мысль об избирательности памяти и её способности против воли человека хранить незначительные, на первый взгляд, мгновения и моменты, Шмеман заключает: «Я убеждён, что это, на глубине, те откровения («эпифании»), те прикосновения, явления иного, которые затем и определяют изнутри «мироощущение». Потом узнаёшь, что в эти минуты была дана некая абсолютная радость. Радость ни о чём, радость оттуда, радость Божьего при-

20 Шмеман А.Д. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2021. с.323

21 Симфония по творениям святителя Григория Богослова. М.: Даръ, 2008. С.372

22 Дамаскин И. Точное изложение православной веры. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003. С.75

23 Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника. М.: Даръ, 2008. С.328

24 Шмеман А.Д. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2021. С.22

25 Там же с.25

26 Там же с.621

сутствия и прикосновения к душе»²⁷. Он указывает на это свойство памяти как проявление божественного, элемент некоторой сакрализирующей работы духа, не зависящей исключительно от волеизъявления самого человека. Это понимание согласуется также с концепцией производства присутствия в том смысле, что воспоминания передают, в первую очередь, не значение, но переживания, которые являются предметом чувственного восприятия. В целом, о. Александр рассматривает молитву, Церковь и всё христианство как разновидности памяти о Боге, а саму возможность механизмов бессознательного запоминания особых деталей как некоего рода божественное присутствие. В таком случае, мы можем интерпретировать сакральную память в его текстах как разновидность эпифании²⁸.

Таким образом, рассмотрев различные способы говорения и размышления о памяти в дневниках протопресвитера А. Шмемана, можно выделить два модуля взаимодействия автора с этой темой, и они принципиально различны. Первый — это непосредственная «работа памяти», то есть базовое конструирование личных воспоминаний, их проговаривание, воспроизведение событий прошлого, их переоткрытие, «проступание» индивидуальной памяти дневника через его текст. Эти действия связаны с самопредсталением автора, его идентичностью и встроенностью в социум. Второй же модуль представляет собой некую метапозицию. Он подразумевает дистанцирование о. Александра от воспоминания как нарратива и концентрируется на его деконструкции, рефлексии о работе памяти, её свойствах и путях формирования, а также различении в ней профанной и сакральной сфер.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
3. Минец Д.В. Дневник как «интимный модус запечатленной памяти» (на материале «Специального дневника» З.Н. Гиппиус) // Память как механизм культуры в русском литературном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец). С. 85–91.
4. Михеев М.Ю. Мысль на пути между дневником и текстом: особенности памяти дневника // Человек: Иллюстрированный научно-популярный журнал. 2004. № 6. С. 150–158
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. Шмеман А.Д. Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2021. 732 с.
7. Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 2. С. 49–54.
8. Дамаскин И. Точное изложение православной веры. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003. 162 с.
9. Симфония по творениям святителя Григория Богослова / Ред.-сост. Т. Н. Терещенко. М.: Даръ, 2008. 608 с.
10. Симфония по творениям святителя Феофана Затворника Вышенского / Ред.-сост. Архимандрит Георгий Тertyшников. М.: Даръ, 2008. 640 с.

27 Там же с.24

28 Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С.116

MODES OF MEMORY IN THE DIARIES OF PROTOPREV. ALEXANDER SCHMEMANN

Baranova Ulyana Sergeevna

Master of Cultural Studies, PhD student at the Department of
History and Theory of Culture
at the Russian State University for the Humanities,
Assistant of the Department of History and Humanities at the State
Humanitarian and Technological University,
Zelenaya St., 22, Orekhovo-Zuyevo, Russia, 142650,
julianne.br@yandex.ru

Abstract

The article examines the ways of representing memory in the texts of the “Diaries” of 1973–1983 by theologian and preacher Archpriest Alexander Schmemann (1921–1983), a significant figure in the history of the Russian Orthodox Church Abroad. The analysis is carried out in two planes: on the one hand, through his personal memories, the author of the diary constructs an image of the past and his identity, on the other hand, he reflects on memory itself as a phenomenon. The published individual memories of Fr. Alexander are integrated into a wider circle of social memory of society, moving from personal to public discourse. In addition, the theme of the coexistence of two types of memory in his notes is touched upon: profane and sacred, addressed to the worldly and spiritual aspects of life.

Keywords

Memory studies, diary, representation, identity, sacred memory, profane memory, private discourse, public discourse, modes of memory.